

Россейкин Ф. М. Как Франция пришла к отделению церкви от государства? [Рец. на: De Lanessan L.-L. L'Etat et les Églises en France depuis les origines jusqu'à la séparation. Paris, 1906] // Богословский вестник 1907. Т. 1. № 3. С. 535–572 (2-я пагин.).

Какъ Франція пришла къ отдѣленію церкви отъ государства?

J-L de Lauessau. L'État et les Églises en France depuis les origines jusqu' à la séparation. Paris, 1906.

Законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, принятый законодательными учрежденіями Франціи 9 дек. 1905 г., вызвалъ въ католическомъ мірѣ бурю негодованія. Со стороны католической прессы посыпались на республику обвиненія въ томъ, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ политической страсти и въ ущербъ здравому государственному смыслу. Созданіе закона представляли неудачнымъ законодательнымъ опытомъ, поспѣшно задуманнымъ и мало оправданнымъ дѣйствительными потребностями жизни.

Исторія не поддерживаетъ такихъ обвиненій.

Законъ объ отдѣленіи является естественнымъ и неизбежнымъ результатомъ многовѣковой эволюціи отношеній между государствомъ и церковью, подготовленнымъ всей предшествующей ей исторіей.

Средніе вѣка и періодъ до революціи.

Христіанство, принесшее съ собою новыя жизненныя начала, отличныя отъ тѣхъ, которыми жилъ языческой міръ, съ перваго момента своего появленія должно было занять по отношенію къ языческому обществу и государству враждебное положеніе. Его первые проповѣдники внушали своимъ послѣдователямъ отвращеніе ко всему, что носило на

себѣ печать язычества, его вѣрованій, его морали, его бытовыхъ формъ. Организовавъ своихъ послѣдователей въ небольшія тѣсно замкнутыя общины—церкви, оно регламентировало ихъ жизнь въ духѣ своихъ основныхъ принциповъ и рѣзко намѣтило грань, за которую христіанинъ не могъ перешагнуть безъ опасенія потерять право на званіе члена церкви и лишиться всѣхъ духовныхъ благъ, связанныхъ съ этимъ званіемъ. Община запрещала своимъ членамъ всякое участіе въ языческой жизни. Они должны были избѣгать показываться на людныхъ улицахъ, тѣмъ болѣе въ мѣстахъ публичныхъ собраній, разговаривать безъ особой нужды съ язычниками, украшать свои дома зеленью въ праздничные дни, какъ это требовалось языческимъ обычаемъ. Имъ запрещалось обращаться къ римскимъ судамъ, принимать на себя отправленіе какой-нибудь общественной должности и рекомендовалось уклоняться отъ военной службы. „Тотъ уже достаточно сражается за императора, кто молится за него“, говорилъ Оригенъ.

Уже въ то время о христіанахъ говорили, и не безъ основанія, что они стремятся создать государство въ государствѣ. Но было-бы правильнѣе сказать, что они создаютъ общество въ обществѣ, такъ какъ они отрицали не только государство, но и социальныя учрежденія. Ихъ проповѣдники прославляли презрѣніе къ богатству, къ роскоши, къ нѣкоторымъ формамъ труда. Торговля считалась предосудительнымъ занятіемъ, и чтобы отвратить отъ него вѣрующихъ, была запрещена отдача ссудъ подъ проценты. Даже институтъ семьи подвергался ихъ нападкамъ, и во всякомъ случаѣ, семейная жизнь признавалась скорѣе печальной необходимостью, чѣмъ явленіемъ желательнымъ и нормальнымъ. По Тертуллиану, идеаль всякаго истиннаго христіанина въ томъ, чтобы не вступать въ бракъ, оставаясь всю жизнь дѣвственникомъ,— а если бракъ уже заключенъ, то и въ немъ сохранять полную чистоту.

Подобное отношеніе къ социальнымъ формамъ со стороны первыхъ христіанъ вполне понятно. Христіане были проникнуты живѣйшимъ убѣжденіемъ, что земная жизнь—лишь кратковременное странствіе по пути къ царству Божію, ожидающему ихъ за гробомъ; съ ихъ стороны было дѣломъ простаго благоразумія не связывать себя никакими житейскими

заботами, могущими отклонить человѣка отъ достиженія его главной цѣли—вступленія въ обѣщанное ему царство славы.

Враждебная по своимъ принципамъ и задачамъ языческому государству и обществу, нарождающаяся церковь пыталась разрушить ихъ. Но эта попытка не удалась. Тогда церковь, уже достаточно для того сильная, постаралась подчинить себѣ и то и другое.

Она этого достигла, что особенно нужно сказать о католической церкви.

Прежде всего нужно было завладѣть личностью настолько, чтобы она всегда и во всемъ послушно слѣдовала голосу церкви. Задача была рѣшена успѣшно. Благодаря крещенію, личность стала принадлежать церкви съ первыхъ минутъ своего появленія въ міръ. Благодаря религіозному воспитанію, церковь дѣлается властелиномъ мысли вѣрующаго человѣка. Она посвящаетъ его въ свой культъ съ момента его возмужанія—своей конфирмаціей. Позднѣе она вѣнчаетъ его предъ своимъ алтаремъ и овладѣваетъ его семьей прежде, чѣмъ семья успѣетъ вполне устроиться. Наконецъ, управляя вѣрующимъ въ теченіе всей его жизни, она употребитъ всѣ усилія, чтобы сыграть важнѣйшую роль при его послѣднемъ издыханіи и остаться хозяиномъ его тупа. И горе тому, кто сдѣлаетъ попытку отъ нея освободиться: онъ будетъ позорно изгнанъ изъ общества. Пусть онъ императоръ; онъ умретъ въ нуждѣ и голодѣ, оставленный своими подданными и друзьями, гонимый толпой, лишенный даже погребенія, какъ Генрихъ IV Нѣмецкій.

Завладѣвъ личностью, католическая церковь черезъ нее налагаетъ руку на общество и въ значительной степени на государство. Дѣйствуетъ она съ глубокой проникающей силой, умѣло пользуясь благоприятными обстоятельствами. Въ то время, какъ варварскія племена разрушали умиравшую Римскую имперію и античную цивилизацію, церковь искусно овладѣваетъ всѣми силами общественнаго организма, которыя еще сохраняли свою жизнеспособность, захватывая въ свои руки судъ, просвѣщеніе и благотворительность. Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря благоприятнымъ историческимъ условіямъ, вожди церкви—епископы—становятся постепенно во главѣ свѣтскаго общества. Произошло это такъ.

Въ каждомъ изъ важныхъ городовъ Галліи римское прави-

тельство учредило муниципалитеты или куріи, составленные изъ наиболѣе богатыхъ жителей, отвѣчавшихъ предъ правительствомъ за сборъ налоговъ и городское благоустройство. Рядомъ съ куріей стоялъ правительственный чиновникъ (Compte), который вѣдалъ судъ и управлялъ провинціей отъ имени императора. Народъ съ своей стороны избиралъ себѣ *попечителя*, защищавшаго народные интересы предъ куріей и чиновникомъ. Наконецъ, въ каждой городской общинѣ былъ верховный первосвященникъ, глава ея религіи. По мѣрѣ ослабленія имперіи, епископъ занялъ въ каждомъ городѣ сначала мѣсто верховнаго первосвященника, потомъ—попечителя, наконецъ, въ значительной мѣрѣ—мѣсто правительственнаго чиновника; въ то же время онъ приобрѣлъ огромное вліяніе и на курію.

Въ вѣдрахъ собственно церковной организаціи авторитетъ епископа былъ еще внушительнѣй. Покоился онъ прежде всего на его судебныхъ полномочіяхъ, распространявшихся на очень широкій кругъ лицъ.

Въ этотъ кругъ входилъ прежде всего клиръ. Когда епископы получили отъ римскаго правительства право судить своихъ клириковъ, а клирикамъ были дарованы разныя привилегіи, число послѣднихъ быстро возросло. Занявъ мѣсто ниже іерархіи (священниковъ, діаконовъ и иподіаконовъ), они составили многочисленный классъ женатыхъ людей, занимавшихся мелкой торговлей или ремеслами и свободныхъ отъ городскихъ налоговъ и повинностей. Привилегіи клира были настолько заманчивы, что и у богатыхъ людей являлась охота приписаться къ нему. Но правительство въ своихъ интересахъ запретило это. Съ этого времени клиръ, доступъ въ который остался открытъ только для малоимущихъ, постепенно превращается въ разрядъ кліентовъ епископа, вполне зависимыхъ отъ него. Зависимость оказывалась тѣмъ крѣпче, что у клирика не могло быть добровольнаго желанія отказаться отъ своего выгоднаго положенія; между тѣмъ епископъ имѣлъ полную возможность исключить его изъ клира по своему усмотрѣнію.

Кромѣ іерархіи и клира, юрисдикція епископа распространялась на всѣхъ тѣхъ очень многочисленныхъ лицъ, которыя жили на церковныя милостыни или были внесены въ спеціальныя церковныя списки; сюда причислялись вдовы,

сироты, церковные вольноотпущенники, крѣпостные и рабы вотчинъ, подаренныхъ или завѣщанныхъ церквамъ. Наконецъ, очень многіе принимали юрисдикцію епископа добровольно, чтобы избѣжать суда гражданскихъ властей. Въ результатъ епископская паства оказывалась чрезвычайно многолюдной, такъ что можно было даже задаться вопросомъ: было ли въ гражданской общинѣ больше подданныхъ короля, чѣмъ подданныхъ епископа?

Огромное вліяніе епископовъ на гражданское общество, ихъ судебныя полномочія и нравственный авторитетъ дѣлали церковь господствующей силой въ обществѣ.

Существенную поддержку авторитету епископата оказывали скопившіяся въ его рукахъ богатства. Вѣрующіе такъ охотно дарили ему свои помѣстья въ обмѣнъ на обѣщаніе вѣчнаго блаженства за гробомъ, что въ епископскихъ рукахъ оказалась почти третья часть всей государственной территоріи.

Къ VII в. положеніе церкви на Западѣ было упрочено. Епископы держали въ своихъ рукахъ почти всю общественную власть.

Власть и огромныя богатства быстро превратили епископатъ въ духовную аристократію, во многіхъ отношеніяхъ походившую на свѣтскую. Въ началѣ феодальнаго періода многіе изъ епископовъ помышляли о томъ, чтобы къ своимъ духовнымъ полномочіямъ присоединить свѣтскую власть во всей ея полнотѣ. Въ ихъ рукахъ уже былъ судъ, общественная благотворительность, обученіе, имуществва, управление многими отраслями труда. Не доставало лишь права имѣть свое войско. Но многіе среди нихъ не останавливались предъ захватомъ и военной власти и превращались въ настоящихъ феодальныхъ сеньеровъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы и воинственныхъ, какъ всѣ сеньеры того времени. Были епископы, не гнушавшіеся принимать личное участіе въ битвахъ и проливать человѣческую кровь тѣми руками, которыя возносили Богу безкровную жертву Его Сына. Убіиство и служеніе Богу мирно уживались въ ихъ сознаниіи и совѣсти, какъ два рода дѣятельности, вполне совмѣстимыхъ въ одномъ человѣкѣ.

Такъ въ періодъ дезорганизациіи западнаго общества, когда римская имперія уже не существовала, а власть королей и сеньеровъ еще не окрѣпла, церковь успѣла стать всемогу-

щей какъ въ духовномъ, такъ и свѣтскомъ отношеніяхъ. Этотъ періодъ былъ достаточно продолжителенъ (V—XI вѣка), чтобы Церковь имѣла время сдѣлаться властелиномъ общества и государства. Вѣра господствовала надъ людьми; папы и епископы правили народами.

Весь періодъ глухого средневѣковья и характеризуется полнымъ господствомъ церкви надъ государствомъ и обществомъ.

Но время шло и мѣняло отношенія общественныхъ силъ. Свѣтскія общества получали большую и большую организованность и, собирая растерянные элементы власти, упрочивали свою политическую силу. *Въ соответствии съ ростомъ государства значеніе церкви начинаетъ идти на убыль.* Какъ не были сильны епископы, они въ концѣ концовъ не могли равняться, въ качествѣ свѣтскихъ владыкъ, съ феодальными: сеньерами: послѣдніе брали перевѣсъ и своей воинственностью, и своей необузданной жестокостью, которую сдерживало въ епископахъ ихъ воспитаніе. Становилось ясно, что церковь должна будетъ въ концѣ концовъ уступить свое господствующее положеніе въ пользу государства.

Папы поняли это и предусмотрительно приспособились къ надвигавшемуся порядку вещей. Лишь только короли и сеньеры сломили политическое значеніе епископовъ, явилась опасность, что они направятъ свою силу и противъ самого папы. Это могло случиться тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше государи теряли прежнюю наивную вѣру. Между тѣмъ свѣтская, распущенная жизнь епископовъ, подражавшихъ во всемъ феодальнымъ баронамъ, несомнѣнно, эту вѣру подрывала. Интересъ папы, расхोлившейся съ интересами епископовъ, требовалъ, чтобы церковь сохранила уваженіе къ себѣ. Для поддержанія церковнаго авторитета папы и предпринимаютъ рядъ реформъ, особенно энергичныхъ при Григоріи VII (1073—1085).

Съ другой стороны, папы обнаруживаютъ стремленіе теоретически обосновать необходимость подчиненія государства церкви. Они начинаютъ проводить границу между свѣтской и духовной властью и старательно внушаютъ всѣмъ мысль о превосходствѣ послѣдней надъ первой. Григорій VII говоритъ: „насколько золото выше свинца, настолько епископское достоинство выше царскаго. Первое учреждено божественнымъ милосердіемъ, второе—человѣческой гордостью“.

Впрочемъ, объ отдѣленіи духовной власти отъ свѣтской папы не помышляютъ.. Напротивъ, для нихъ было гораздо выгоднѣе сохранить между ними связь, чтобы съ помощью церкви оказывать давленіе и на государство.

Съ того момента, когда возростающее государство почувствовало свою силу, въ немъ обнаруживается стремленіе ограничить вліяніе церкви, насколько оно его связывало. Ограниченія начинаются прежде всего въ области суда, оставшагося до XII в. могущественнымъ рычагомъ церковнаго вліянія на общество. До того времени церковь судила не только іерархію, клириковъ и находившихся подъ ея покровительствомъ или на службѣ въ ея сенъеріяхъ лицъ, но удерживала за собой право вмѣшиваться въ разборъ всѣхъ дѣлъ, къ которымъ религія имѣла какое нибудь, хотя-бы очень отдаленное отношеніе,—напр., по преступленіямъ противъ религіозныхъ святынь, по дѣламъ объ обѣтахъ, десятинахъ, сговорахъ, бракахъ, семейныхъ раздѣлахъ, нарушеніяхъ супружеской вѣрности, усыновленіяхъ, завѣщаніяхъ и т. д. Ея судебная компетенція стремилась къ безграничному расширенію, и могла бы захватить весь судъ, если бы этимъ стремленіямъ не положили предѣла короли и сенъеры. Какъ только государства окрѣпли, то изъявили естественное желаніе вернуть судебную власть себѣ.

На первыхъ порахъ предъ королями и сенъерами вставало неожиданное затрудненіе. Они хотѣли судить; но почти не умѣли дѣлать этого: ни они, ни ихъ чиновники не имѣли никакой юридической подготовки. Церковь, завѣдывавшая безраздѣльно народнымъ образованіемъ, держала общество въ полномъ невѣдѣніи юриспруденціи; а ея собственное право, проникнутое религіозными принципами, было мало примѣнимо къ свѣтскому суду, организовавшемуся на совершенно иныхъ началахъ. Правителямъ приходилось позаботиться о насажденіи въ своихъ странахъ юридическихъ наукъ. Начинается усиленное изученіе римскаго права. Парижскій университетъ, вставъ во главѣ научнаго движенія, создаетъ цѣлый классъ юристовъ, помогавшихъ королямъ упорядочить свѣтскій судъ.

Лишь только свѣтскій судъ былъ организованъ, между нимъ и судомъ церковнымъ возникаетъ борьба. Борьба кончилась не въ пользу церкви. Причина въ томъ, что народъ

не захотѣлъ оказать ей поддержки. Когда ему пришлось выбирать между чисто-человѣческимъ правомъ Рима языческаго и религіознымъ, „божественнымъ“ правомъ Рима папско-христіанскаго, его выборъ палъ на первое. Въ борьбѣ за судъ Людовика IX Святого съ папствомъ (въ XIII в.) народъ, бароны, даже епископы стояли на сторонѣ короля. Благочестіе Людовика IX много содѣйствовало привлеченію къ нему и его дѣлу общихъ симпатій; и когда онъ издалъ ордонансъ противъ богохульниковъ, ордонансъ былъ принятъ съ восторгомъ: никому не пришло въ голову упрекнуть короля въ узурпаціи церковной власти. По странному стеченію обстоятельствъ, борьбу съ папствомъ началъ король, за которымъ въ исторіи упрочилось имя Святого.

Мало по малу свѣтскій судъ привлекъ къ своему трибуналу и лицъ, прежде подсудныхъ только епископату. Власть короля растетъ; власть церкви падаетъ. Народъ доволенъ тѣмъ и другимъ. Подавленный, разоряемый баронами и отчасти епископами, онъ привѣтствуетъ новую власть—королевскую, которая покровительствуетъ ему, считается съ его интересами, совѣтуется о законахъ съ его представителями.

Ограниченіе полномочій церковнаго суда было первымъ шагомъ къ освобожденію государства отъ церкви.

Одержавъ первую побѣду надъ церковью, короли ведутъ свою борьбу далѣе. Въ теченіи XIII и XIV вѣковъ они успѣваютъ сдѣлать для освобожденія такъ много, что отъ прежняго порабощенія не остается и тѣни. Въ концѣ XIII в. борьба принимаетъ крайне острую форму, и столкновение Филиппа Красиваго съ папой Бонифаціемъ VIII (1294—1303) кончается для папы лишеніемъ жизни.

По смерти Бонифація VIII для папства начинается періодъ униженія. Филиппъ Красивый возвелъ на папскій престолъ француза подъ именемъ Климента V и поселилъ его въ Авиньонъ, гдѣ папа находился въ полной зависимости отъ французскаго короля. Знаменитое авиньонское плѣненіе папъ, продолжавшееся около 70 лѣтъ, было могилой для прежняго всемогущества папства и церкви. Папство не только низвергнуто, но и унижено. Церковь теряетъ какъ власть надъ королями, такъ и свой нравственный авторитетъ въ обществѣ. Народъ избѣгаетъ судовъ духовенства и не боится ихъ приговоровъ. Отцы Вьеннскаго (de

Vienne) собора (1311 г.) жалуются, что отлученіе, прежде такъ устрашавшее вѣрующихъ, теперь не производитъ на нихъ почти никакого впечатлѣнія. Отлученные мало озабочены тѣмъ, чтобы ихъ снова приняли въ лоно церкви, а гражданскіе суды, къ которымъ епископы обращаются съ просьбой принудить упорныхъ грѣшниковъ къ покаянію, отказываютъ въ содѣйствіи. Соборъ обсуждалъ средства къ возвышенію авторитета церкви. Одни предлагали закрыть храмы и прекратить совершеніе требъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращено уваженіе къ церковному суду; другіе рекомендовали наложить анаѳему на правителей и ихъ юристовъ, — третьи хотѣли-бы распространить отлученіе не только на виновныхъ, но и ихъ родню, при томъ чуть не до третьяго поколѣнія. Въ концѣ концовъ, отцамъ собора пришлось признаться, что времена расцвѣта вѣры кончились, и что церковь безоружна предъ обществомъ, переставшимъ бояться ея духовныхъ наказаній.

Къ началу XVI в., т. е. ко времени реформаціи, вліяніе церкви на общество падаетъ еще ниже. Общественная мысль успѣваетъ освободиться отъ многихъ религіозныхъ предрассудковъ, которые такъ усердно вѣдряли въ ней католицизмъ. Парижскій университетъ, предназначавшійся служить оплотомъ католической вѣры, превращается въ питомникъ, гдѣ воспитываются враги церкви. Средневѣковая схоластика изгнана изъ ея аудиторій. Безплодныя схоластическія пренія уступаютъ мѣсто изученію классической литературы, философіи и морали. Католическая церковь теряетъ власть надъ умами, какъ она потеряла ее надъ королями.

Между тѣмъ изъ Германіи надвигается призракъ реформаціи. Папѣ грозитъ опасность потерять наиболѣе дорогую для него французскую церковь. Нужно было принимать самыя рѣшительныя мѣры, чтобы не допустить схизму во Францію. И папы входятъ въ соглашеніе съ французскими королями, готовые уступить въ ихъ пользу многое изъ своихъ правъ и привилегій, чтобы сохранить этимъ путемъ остальную часть своихъ преимуществъ.

Результатомъ такой сдѣлки и былъ Конкордатъ 1516 г., заключенный между папой Львомъ X и королемъ Францискомъ I и отмѣчавшій новую стадію въ отношеніяхъ между государствомъ и церковью.

Конкордатъ для папства былъ лучшимъ выходомъ изъ того тяжелаго положенія, которое создано для него къ началу XVI в. стеченіемъ неблагопріятныхъ условій. Къ этому времени положеніе папства сильно пошатнулось. Тѣ времена, когда Бонифацій VIII, принимая иностранное посольство съ императорскою короною на головѣ и обнаженнымъ мечемъ въ рукахъ, могъ восклицать: „я цезарь и императоръ!“ канули въ вѣчность. Въ періодъ авиньонскаго плѣненія папы стали игрушкой въ рукахъ французскихъ королей. Послѣдніе обращались и съ папой и съ церковью очень властно. Филиппъ VI Валуа (1328—1350) не стѣснялся вмѣшиваться въ сферу чисто духовной власти папы и дошелъ до того, что принудилъ Іоанна XXII отказаться отъ его богословскихъ мнѣній, угрожая сожженіемъ проповѣдниковъ, которые осмѣлились-бы излагать ихъ съ церковной кафедры. Епископы потеряли въ пользу королей не только судебныя полномочія, но и большую часть своихъ имуществъ. Прерогативы папы королями нисколько не уважались. Карлъ VII своей Прагматической санкціей 1438, обнаруженной даже безъ увѣдомленія папы, отнялъ у него всякое право вмѣшиваться въ избраніе французскихъ епископовъ, которое переходило въ руки французскаго духовенства. Людовикъ XI (1461—1483) сажалъ въ тюрьмы епископовъ, архіепископовъ, даже кардиналовъ. Папы протестовали безъ конца и противъ гражданскаго суда, и противъ Прагматической санкціи 1438 г., и противъ вторженія въ среду ихъ духовныхъ полномочій; ихъ жалобы оставались гласомъ въ пустынь. На угрозы они не осмѣливались, или-же ихъ угрозъ не боялись.

Хуже всего для папъ было то, что они въ борьбѣ за бывшее могущество оказались одинокими: епископы приняли сторону королей, что было для нихъ гораздо выгоднѣе. Поборы въ пользу святаго престола опустошали епископскую казну еще чувствительнѣе, чѣмъ королевскіе налоги; а властолюбивыя притязанія папъ были не менѣе тягостны, чѣмъ власть короля. При томъ же папы, въ концѣ концовъ, были страшны лишь своими духовными карами, тогда какъ свѣтскій государь могъ всегда употребить и непосредственное матеріальное насиліе. Королей приходилось бояться больше. Въ интересахъ самосохраненія епископы

должны были поддерживать съ ними хорошія отношенія и быть его послушными подданными. Но и короли съ своей стороны охотно поддерживали свой епископатъ противъ папы: для нихъ было важно охранять его отъ папскихъ поборовъ, чтобы имѣть большую возможность обирать его самимъ. Епископы вступали въ вольный или невольный союзъ съ королями и продавали своего папу.

Оставленные своими епископами, папы начинаютъ въ эту эпоху терять поддержку даже такихъ близкихъ друзей и своихъ сотрудниковъ, какими всегда были для нихъ монашескіе ордена. Возмущенные безумной роскошью и пороками папскаго двора, францисканцы въ правленіе Іоанна XXII (1316—1334) выступили во Франціи съ суровыми обличеніями противъ Рима. „Если-бы св. Петръ вернулся въ міръ, говорили они въ своихъ проповѣдяхъ, то его преемники объявили-бы его еретикомъ. Въ настоящее время у насъ двѣ церкви: одна—плотская, переполненная богатствами, погрязшая въ наслажденіяхъ, запятнанная пороками; въ ней распоряжается папа и кардиналы; другая—духовная, непорочная, воздержная и бѣдная; это—церковь Духа святаго, царство котораго теперь начинается“. Симпатіи народа были на сторонѣ этихъ проповѣдниковъ.

Осужденное въ своемъ безнравственномъ поведеніи, папство принуждено выдерживать нападенія на его догму со стороны народившейся критики. Въ парижскомъ университетѣ зарождается богословское движеніе, отвергающее схоластическую богословскую систему и признающее божественный характеръ лишь за евангеліемъ. Новая богословская школа объявила многіе пункты церковнаго преданія „вымышленными догматами“ чисто человѣческаго происхожденія, рекомендовала держаться лишь евангелія и ученія апостольскаго, признавая все прочее содержаніе церковной догмы скорѣе суевѣріемъ, чѣмъ дѣломъ религіи. Такое направленіе было опасно для папства, покоившагося не столько на евангеліи, сколько на лжеисидоровскихъ декреталіяхъ.

Успѣлъ значительно понизиться въ глазахъ общества и нравственный авторитетъ всей вообще католической церкви. Привыкнувъ видѣть епископовъ и священниковъ ведущими такую-же распущенную жизнь, какъ и бароны, народъ пе-

ресталь вѣрить въ нравственное превосходство духовенства. Въ немъ распространяется масса анекдотовъ, жестоко осмѣивающихъ служителей церкви. Но какъ это часто бываетъ, иронія надъ духовенствомъ влекла за собою равнодушіе къ самой церкви. Что касается образованнаго общества, то нараставшій въ немъ религіозный индеферентизмъ имѣлъ другой, но не менѣе глубокой источникъ: его вниманіе всецѣло поглощено было возрожденіемъ наукъ и искусствъ. Евангеліе представляло для него уже меньшій интересъ, чѣмъ классическая литература и философія, и вожди просвѣтительнаго движенія, въ родѣ Монтэня, Рабле, Еразма, были одинаково далеки какъ отъ католицизма, такъ и отъ подготавливавшейся реформациі.

Положеніе папства становилось печальнымъ. Униженное королями, оставленное епископатоми, лишенное нравственнаго авторитета и традиціоннаго довѣрія къ его догмѣ, оно рисковало окончательно потерять свое бывшее положеніе, вліяніе и власть. При такихъ условіяхъ оно готово было, въ виду надвигавшейся реформациі, пойти на большія уступки французскому правительству, чтобы сохранить себѣ его поддержку.

Къ счастью для папы, короли Франціи имѣли больше интересовъ въ сохраненіи союза съ Римомъ, чѣмъ въ поддержкѣ надвигавшейся изъ Германіи реформациі. Политическія отношенія между Франціей и Германіей были натянуты, и поддерживать нѣмецкихъ князей въ ихъ борьбѣ съ папой у французскаго короля особенной охоты быть не могло. Правда, реформа обѣщала отдать, путемъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, въ руки короля огромныя богатства французской церкви. Но такая мѣра, съ успѣхомъ продѣланная германскими князьями, была гораздо рискованнѣй во Франціи. Французскіе епископы, самыя богатые въ Европѣ, едва-ли спокойно отнеслись бы къ потерѣ ихъ имуществъ и согласились вступить въ реформированную церковь, которая могла дать имъ богатствъ не больше, чѣмъ сколько имѣли апостолы. Раздражать ихъ было тѣмъ опаснѣе, что они продолжали составлять могущественный и вліятельный въ обществѣ классъ. А использовать ихъ богатства можно было другими способами, не затѣвая реформы.

Съ другой стороны, между французскимъ и нѣмецкимъ

обществомъ была существенная разница, которая не общала успѣха реформаціи во Франціи. За Рейномъ народная вѣра сохранила гораздо большую живость; во Франціи—она поблекла. Въ то время какъ Лютеръ, пораженный безнравственностью, роскошью и невѣріемъ папскаго двора, громилъ въ своихъ вдохновенныхъ проповѣдяхъ Римъ, этотъ „развратный Вавилонъ“, и его проповѣди поднимали въ Германіи волны народнаго негодованія, во Франціи впечатлѣніе его рѣчей было-бы очень слабо. Тамъ давно знали распущенность и скептицизмъ Рима и только смѣялись надъ ними. Семидесятилѣтнее пребываніе папъ въ Авиньонѣ дало французамъ возможность насмотрѣться на нихъ. Населеніе привыкло видѣть папъ разъѣзжающими по Франціи съ ихъ наложницами и производящими крупную и мелкую торговлю индульгенціями, благодатью и всѣмъ, чѣмъ только могла торговать церковь. Возмущаться не хватало силъ. Оставалось складывать о нихъ игривыя пѣсенки и легкіе анекдоты. И Францискъ I, современникъ Лютера, самъ былъ-бы поднять на смѣхъ образованнымъ обществомъ, если-бы задумалъ реформировать церковь и стать главой новой религіи.

Моментъ, удобный для реформаціи во Франціи, былъ упущенъ Политическіе интересы королевства, скептицизмъ и невѣріе образованныхъ класовъ и равнодушіе народа дѣлали здѣсь реформу церкви мало возможной.

Для французскихъ королей представлялось болѣе выгоднымъ не порывать съ папой. И они вступаютъ съ нимъ въ дѣловыя соглашенія. Но дѣлая это, всего менѣе думаютъ они о религіи. Ихъ конкордаты представляютъ не что иное, какъ сдѣлку чисто политическаго характера. Установка отношеній, *опредѣляемыхъ исключительно политикой*, является новой фазой въ отношеніяхъ государства и церкви. Эта фаза начинается именно съ конкордата 1516 года.

Находясь въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Левъ X по необходимости принимаетъ условія, которыя диктуетъ ему Францискъ I. Такъ какъ въ данный моментъ и папа и Францискъ прежде всего нуждались въ деньгахъ, то финансовый вопросъ является въ конкордатѣ господствующимъ.

По конкордату король предоставилъ папѣ, *аннаты*; папа уступилъ королю право *назначенія на всѣ церковныя должности*. По закону объ аннатахъ папа получалъ съ епископовъ, аб-

батовъ и другихъ церковныхъ лицъ весь доходъ перваго года ихъ службы, какъ вознагражденіе за ихъ посвященіе. По праву назначенія на всѣ церковныя должности, король могъ продавать свободныя церковныя мѣста, какъ онъ продавалъ судейскія полномочія. Конкордатъ оказывался выгодной для обѣихъ сторонъ финансовой сдѣлкой. Къ ней Левъ X и Францискъ I присоединили не менѣе выгодную политическую, съ помощью которой папа сдѣлалъ почти невозможнымъ уклоненіе французской церкви въ протестантскую схизму, а король подчинялъ французское духовенство своей почти полной власти.

Францискъ былъ удовлетворенъ. Равнодушный къ дѣлу религіи, онъ достигъ предмета своихъ желаній: власти надъ церковью и возможности пользоваться съ нея доходами. Въ отплату онъ готовъ былъ помочъ папѣ въ борьбѣ съ реформацией, что и сдѣлалъ, не остановившись даже предъ религіозными преслѣдованіями.

Папа могъ быть не менѣе довольнымъ. Конкордатъ отменялъ, непріятныя ему статьи Прагматической санкціи, которыя провозглашали авторитетъ вселенскихъ соборовъ выше папскаго, обязывали папу собирать соборы періодически и требовали для замѣщенія епископскихъ каедръ первохристіанскихъ избирательныхъ порядковъ. Папа съ удовольствіемъ согласился на назначеніе епископовъ королемъ, что ему нравилось гораздо больше, чѣмъ ихъ избраніе епископатоми: съ однимъ королемъ было гораздо легче войти въ сдѣлку, чѣмъ съ многоголовою избирательною куріей. Такъ какъ за папой оставалось право каноническаго рукоположенія епископовъ, аббатовъ и всего духовенства, то доходы съ посвящаемыхъ были ему вполнѣ обезпечены. На этомъ можно было вполнѣ помириться.

Конкордатъ былъ настолько выгоденъ и для королей, и для папъ, что удержался до дней великой революціи. Тщетно парламентъ и университетъ протестовали противъ него, дѣлая попытку отстоять свободы галликанской церкви. Конкордатъ вошелъ въ силу. Что касается епископата, попадавашаго по конкордату въ болѣе тѣсную зависимость отъ папы, то онъ скоро примирился съ конкордатоми: въ его рукахъ оставалось достаточно земель и богатствъ, чтобы можно было чувствовать себя довольно хорошо; а новая зависимость отъ

короля и папѣ вознаграждалась тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое для епископата было предоставлено при дворѣ въ рядахъ свѣтской аристократіи.

Папство съ честью вышло изъ угрожавшей ему опасности. Оно не только не потеряло Франціи, но благодаря поддержкѣ свѣтской власти, подняло здѣсь положеніе католической церкви. Удалось папѣ возстановить даже инквизицію, отмѣненную въ предшествовавшее царствованіе. Францискъ I предоставилъ епископскимъ судамъ, усиленнымъ королевскими представителями, право привлекать къ своему трибуналу всѣхъ виновныхъ въ преданности и даже только склонности къ реформѣ. Въ 1540 г. король попробовалъ было передать преслѣдованіе религіозныхъ преступленій свѣтскимъ судамъ; но епископы запротестовали, и въ видѣ уступки имъ, были организованы суды смѣшаннаго характера. Впрочемъ, въ этихъ судахъ руководящая роль оставалась все-таки за свѣтскими чиновниками: королевская власть была слишкомъ могущественной, чтобы поступаться своими прерогативами въ пользу кого-бы то ни было.

Середина XVI в. какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ странахъ характеризуется именно тѣмъ, что государство уже не довольствуется освобожденіемъ отъ церкви, но стремится подчинить ее своему господству. Францискъ I заходилъ такъ далеко, что присваивалъ себѣ право учительства въ церкви: въ 1543 г. онъ издалъ ордонансъ съ изложеніемъ католической вѣры, обязательнымъ для всѣхъ его подданныхъ.

Съ ростомъ королевскаго абсолютизма, церковь подпадала большому и большому влиянію государства.

При Людовикѣ XIV, когда абсолютизмъ достигъ во Франціи своего полнаго расцвѣта, королевская власть поставила себя окончательно выше церковнаго авторитета. Въ 1682 г. соборъ французскаго духовенства, вдохновляемый Боссюэтомъ, издалъ декларацію, подтверждавшую верховенство государства надъ церковью въ его собственной сферѣ. Декларация 1682 г. провозглашала, что короли въ свѣтскихъ дѣлахъ не подчинены никакой церковной власти, не могутъ быть низложены папой, а ихъ подданные никѣмъ не могутъ быть разрѣшены отъ подданической присяги; что вселенскіе соборы выше папъ; что папа не можетъ поступать противъ

правиль и постановленій галликанской церкви, и что папскія рѣшенія становятся не отмѣняемыми лишь послѣ ихъ одобренія всей церковью. Декларация 1682 г. измѣняла конкордагъ 1516 г. такъ, что папа терялъ почти всю власть надъ французской церковью, а король получалъ надъ духовенствомъ еще большую.

Эта декларация была, въ сущности, примѣненіемъ къ религіозной области принципа, на которомъ покоилась абсолютная монархія и который постепенно выяснялся послѣдовательной работой Людовика IX Святаго, Филиппа Красиваго, Франциска I, наконецъ, Людовика XIV. Принципъ гласилъ: монархія основана на божественномъ правѣ; король — прямой представитель Бога на землѣ; помазаніе римскимъ первосвященникомъ бесполезно; папа не имѣетъ власти надъ королемъ, въ которомъ воплощенъ самъ Богъ. Если Людовикъ XIV могъ говорить: „государство—это я“; то съ меньшимъ правомъ, опираясь на декларацию 1682 г., онъ могъ добавить: „французская церковь—это я“. Оставивъ папѣ аннаты, король не допускалъ никакого вмѣшательства въ назначеніе епископовъ, всецѣло зависѣвшее отъ его воли и каприза. Церковь, ея судъ и епископскія каѳедры оказывались во всемогущихъ рукахъ короля.

Папы, державшіеся всѣми силами за французскую церковь, какъ свой главнѣйшій источникъ дохода, должны были мириться съ злоупотребленіями королей и старались, скрѣпя сердце, поддерживать съ ними хорошія отношенія. Но декларация 1682 г. перешагнула границы того, что могли терпѣть папы, не рискуя приготовить себѣ полную гибель. Иннокентій XI запротестовалъ. Отвергнувъ постановленія французскаго духовенства, онъ подкрѣпилъ свой протестъ отказомъ дать каноническое утвержденіе епископамъ, назначеннымъ королемъ. Съ цѣлью нанести Людовику еще большее оскорбленіе, папа потребовалъ, чтобы французское посольство въ Римѣ было открыто для римской полиціи по примѣру посольствъ другихъ державъ. Людовикъ отвѣчалъ: „я никогда не руководился чужимъ примѣромъ; напротивъ, Богъ меня поставилъ быть примѣромъ для другихъ“, — и немедленно отправилъ папскаго нунція въ тюрьму, занялъ Авиньонъ, принадлежавшій тогда папѣ, и сдѣлалъ приготовленія къ провозглашенію полной независимости гал-

ликанской церкви отъ Рима. Папа принужденъ былъ уступить.

Его уступчивость принесла свои плоды. Людовикъ XIV возвращаетъ папѣ свое благоволеніе, и какъ-бы вознаграждая его, начинаетъ оказывать большее покровительство католицизму, принимая мѣры противъ его враговъ. Подпавъ вліянію куртизанокъ и іезуитовъ, раздраженный войнами съ нѣмецкими протестантскими князьями, онъ опускается до позорной отмѣны Нантскаго эдикта, принудившей огромное число протестантовъ, не пожелавшихъ отречься отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, выселиться изъ предѣловъ Франціи. Вслѣдъ затѣмъ начинаются преслѣдованія противъ янсенистовъ, сигналомъ къ чему послужила папская булла (*Unigenitas*, 1713). *Lettres de cachet* (приказы объ арестѣ) сыпались на янсенистовъ какъ изъ рога изобилія. Преслѣдовало запрещеніе давать предсмертное причастіе всѣмъ, кто могъ быть заподозрѣнъ въ склонности къ янсенизму, и отъ умирающихъ, желавшихъ причаститься, требовали особыхъ свидѣтельствъ, выданныхъ священниками, преданность которыхъ католицизму была внѣ сомнѣнія. Противъ такихъ мѣръ возсталъ даже парламентъ, настоявшій на отмѣнѣ свидѣтельствъ.

Религіозныя преслѣдованія унижали и государство и церковь. Общество, хорошо знавшее крайнюю распущенность королевскаго двора и роскошную жизнь епископовъ, отвращалось отъ монархіи и теряло вѣру въ церковь. Даже низшее духовенство, бѣдствовавшее въ то время, какъ епископы и аббаты тратили на свои удовольствія и роскошь церковныя деньги, было настроено противъ прелатовъ и готово было занять мѣсто среди ихъ враговъ.

Людовикъ XV и Людовикъ XVI, чувствуя, что королевская власть колеблется, готовы были сдѣлать многое для поддержки церкви, чтобы имѣть возможность самимъ опереться на нее. Но церковь оказывалась уже слишкомъ слабой, чтобы служить надежной опорой. Короли, заставлявшіе высшее духовенство лакействовать въ своихъ переднихъ, сами способствовали гибели его нравственнаго авторитета. Церковь безъ авторитета—не имѣла въ себѣ силы.

Изъ всѣхъ ея элементовъ наибольшую жизнеспособность успѣлъ сохранить іезуитскій орденъ. Но короли не безъ

основанія побаивались его, папы начинали ему не довѣрять; а въ обществѣ иезуиты успѣли заслужить чрезвычайно дурную репутацію. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, парламентъ 6 августа 1762 г. вотировалъ постановленіе о закрытіи иезуитскихъ учрежденій и секуляризаціи ихъ имуществъ. Людовикъ XV, къ защитѣ котораго прибѣгли иезуиты, не рѣшился на конфликтъ съ парламентомъ, и послѣ долгихъ колебаній подписалъ (1764) ордонансъ о закрытіи. Папа Климентъ XIV, цѣня огромный услуги ордена, бывшаго въ теченіе двухъ вѣковъ самымъ ревностнымъ защитникомъ папства, хотѣлъ бы его поддержать. Но онъ и самъ боялся его. Въ концѣ концовъ, враги ордена, которыхъ онъ нажилъ себѣ очень много, убѣдили папу закрыть орденъ. Подъ предлогомъ *сохраненія мира и согласія* въ нѣдрахъ церкви, Климентъ XIV подписалъ приказъ о закрытіи. Однако папа понималъ, что дѣлалъ: „я отрубаю себѣ правую руку“, говорилъ онъ при этомъ.

Въ послѣдніе годы предъ взрывомъ великой революціи вліяніе церкви на общество стояло очень низко. Образованная часть общества, пропитанная идеями энциклопедистовъ, была заражена или невѣріемъ или скептицизмомъ. Одна изъ знакомыхъ Дидро признавалась: „день—я вѣрю, день — не вѣрю“, и эти слова можно считать характеристикой господствовавшего въ этомъ общественномъ слоѣ настроенія. Вліяніе церкви на такихъ людей могло быть лишь ничтожнымъ. Что касается простого народа, то и онъ потерялъ уваженіе къ духовенству, которое не было способно проявить какое-либо моральное превосходство надъ толпою. Паденіе церковнаго авторитета превращало церковь въ сравнительно ничтожную социальную силу.

При такихъ условіяхъ союзъ церкви и монархіи не могъ прибавить силы ни одному изъ союзниковъ. Обоимъ имъ приходилось подвергнуться естественнымъ послѣдствіямъ ихъ многовѣковаго единенія. Все, что ослабляло церковь, ослабляло и монархію; всякій ударъ, наносимый монархіи, падалъ и на церковь. Когда общество подняло знамя возстанія противъ абсолютизма, оно объявило войну и католицизму. Монархія и церковь жили вмѣстѣ; вмѣстѣ имъ было суждено принять на свою голову и ударъ революціи.

Церковь и революція.

Когда представители сословія, созданные въ 1789 г. Людовикомъ XVI, провозгласили себя учредительнымъ собраніемъ и приступили къ коренной ломкѣ стараго строя, церковный вопросъ былъ выдвинутъ на одну изъ первыхъ очередей. Собраніе прежде всего заинтересовалось церковными имуществами. Въ этой части вопроса оно оказалось настроеннымъ очень единодушно. И дворянство, и третье сословіе, и низшій клиръ признали, что имущества находили вовсе не то употребленіе, для котораго предназначались; что завѣдывавшіе ими епископы тратили гораздо больше на свои прихоти и роскошь, чѣмъ на дѣла благотворительности, просвѣщенія и поддержаніе культа. Въ то время какъ епископы роскошествовали, низшее духовенство влачило свою жизнь въ бѣдности; въ школахъ повсюду чувствовался недостатокъ, больницы были переполнены. Большинство депутатовъ высказывалось за то, чтобы доходы съ имуществъ шли исключительно на нужды народа; многіе требовали, что государство отобрало имущества въ свое полное владѣніе. Общее мнѣніе было формулировано въ учредительномъ собраніи Талейраномъ въ его рѣчи 10 окт. 1789 года. „Духовенство не есть собственникъ на подобіе другихъ собственниковъ, говорилъ онъ,—потому что имущества, которыми оно пользуется и которыми не можетъ произвольно распоряжаться, завѣщаны не для удовлетворенія интересовъ личностей, а на общественныя нужды. Всѣмъ извѣстно, всѣ документы по учрежденію церковныхъ имуществъ, равно какъ и церковныя законы, изъясняющіе смыслъ и духъ этихъ документовъ, показываютъ намъ, что держателю бенефиція принадлежитъ только та часть имущества, которая необходима на его личное содержаніе: по отношенію къ остальному онъ только управляющій; и это остальное, въ дѣйствительности, предназначено бѣднякамъ или на содержаніе храмовъ“. Развивая свою мысль дальше, ораторъ доказывалъ, что если государство обезпечитъ духовенству приличное жалованье и въ то же время приметъ на свой счетъ содержаніе просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений, связанныхъ съ церковными имуществами, то оно получитъ полное право отобрать самыя имущества въ свое

вѣдѣніе. При этихъ условіяхъ воля завѣщателей была бы точнымъ образомъ выполнена и справедливость не была бы нарушена. А въ виду того, что народъ переживаетъ дни бѣдствій и государство—моментъ величайшихъ затрудненій, секуляризація представляется не только справедливой, но и неизбѣжной государственной мѣрой.

Рѣчь Талейрана отмѣчаетъ новую стадію въ развитіи отношеній государства и церкви. Когда-то, во времена своего господства надъ государствомъ, церковь держала въ своихъ рукахъ всѣ органы служенія обществу: судъ, благотворительность и просвѣщеніе. Освободившись изъ подъ опеки церкви, государство отняло у нея въ свою пользу судебныя полномочія. Теперь Талейранъ предлагаетъ, вмѣстѣ съ имуществами, взять у церкви остальные средства служенія народу, оставивъ ей исключительно *область религіи*.

Учредительное собраніе приняло точку зрѣнія Талейрана.

Ясно, что вмѣстѣ съ этимъ измѣнился и самый принципъ, опредѣлявшій отношенія государства и церкви. Старая монархія господствовала надъ церковью во имя принципа божественнаго происхожденія королевской власти, опираясь на который, король объявлялъ себя представителемъ Бога на землѣ и ставилъ себя въ свѣтскихъ дѣлахъ выше папы. Новое государство, созданное революціей, не претендуетъ на божественный авторитетъ своей власти; оно признаетъ себя чисто мірскимъ, свѣтскимъ, — и противопоставляетъ себя церкви, какъ власти исключительно духовной. Но оно еще не порываетъ связи съ церковью. Воскрешая взгляды языческаго Рима, оно смотритъ на культъ, какъ на одну изъ формъ служенія государству,—въ духовенствѣ признаетъ своихъ чиновниковъ, и потому беретъ на себя заботу о его содержаніи, употребляя на это доходы съ бывшихъ церковныхъ помѣстій.

Декретомъ 2 ноября 1789 г. у церкви были отобраны всѣ ея имущества. Съ этого момента высшее духовенство перестало составлять привилегированный общественный классъ и было поставлено предъ диллемой: или стать чиновниками государства,—или вовсе отдѣлиться отъ него. Оно предпочло первое, хотя не думало принять новое положеніе безъ борьбы за старыя привиллегіи.

Рѣшеніе, которое революція дала вопросу о содержаніи

духовенства, опредѣлило и ея принципиальное отношеніе къ болѣе общему вопросу—объ отношеніи новаго государства къ религіи вообще и католической церкви въ частности. *Революція признала необходимымъ существованіе государственной религіи и сохранила значеніе государственной церкви за католицизмомъ.* Поступая такъ, она отдавала свою дань тысячелѣтней традиціи.

Въ теченіе своего многовѣковаго господства во Франціи, католическая церковь успѣла приучить народъ къ ея привилегированному положенію. Она всегда была государственной религіей, и католики не могли себѣ и представить, чтобы дѣло могло быть иначе. Когда за два года до революціи Людовикъ XVI издалъ декретъ, уравнивавшій протестантовъ съ католиками по вопросу о бракѣ, декретъ осуждали, какъ слишкомъ либеральный. По прежнему протестанты были устранены отъ государственной службы и школьнаго дѣла, принуждались отправлять католическіе праздники и не имѣли права совершать публично своихъ религіозныхъ процессій.

Взглядъ общества на положеніе католической церкви ярко отразился въ наказахъ, которыми населеніе снабдило депутатовъ 1789 г. Судя по наказамъ, никому и въ голову не приходило оспаривать у католицизма его господствующее положеніе. Всѣ были согласны въ томъ, что католицизмъ не только долженъ исповѣдываться открыто, но и быть охраняемъ отъ нападковъ и оскорбленій. По отношенію къ другимъ религіямъ допускалась большая или меньшая терпимость, но подъ условіемъ, чтобы онѣ пользовались свободой втихомолку, не заслоня господствующей церкви.

На первый взглядъ кажется страннымъ подобное вниманіе къ католицизму, враждебное отношеніе къ которому тогдашняго общества не можетъ подлежать сомнѣнію. Чтобы понять это явленіе, нужно имѣть въ виду, что людей, отвергавшихъ церковь по философскимъ соображеніямъ, было немного. Что же касается людей политики, то они признавали церковь безусловно необходимой для государства. Политическіе дѣятели того времени, какъ и все мыслящее и интересовавшееся политикой общество, были воспитаны на идеяхъ энциклопедистовъ. Но Руссо въ своемъ Общественномъ договорѣ ставилъ религію въ неразрывную

связь съ государствомъ; другой вождь умовъ—Вольтеръ усердно доказывалъ, что религія нужна народу. Благодаря энциклопедистамъ, въ обществѣ было широко распространено убѣжденіе въ необходимости національной религіи. Но какая религія могла претендовать на достоинство національной, какъ не католицизмъ? Кондорсе формулировалъ общераспространенное убѣжденіе такъ: „религія католическая, апостольская и римская будетъ государственной религіей, единственной, публичный культъ которой будетъ допущенъ въ нашихъ государствахъ“. Это убѣжденіе и руководило учредительнымъ собраніемъ 1789 года.

Идея національной религіи сыграла большую роль въ революціи. Подъ ея вліяніемъ дѣйствовало учредительное собраніе, конфискуя церковныя имущества и принимая на государственный счетъ связанныя съ ними общественныя обязанности. Она же привела къ закрытію монашескихъ орденовъ (декретомъ 13 февр. 1790 г.). Государство не могло признать за орденами характера національныхъ учрежденій, какъ признала его за церковью, такъ какъ монастыри находились въ прямой зависимости отъ папъ и служили только интересамъ Рима. Поэтому вполне послѣдовательно оно отказало монастырямъ въ правѣ существовать на народныя средства. Наконецъ, та-же идея національной религіи легла въ основу новой церковной реформы, извѣстной подъ именемъ Гражданскаго устройства духовенства (*Constitution civil du clergé*).

Эта реформа ставила себѣ цѣлью исправить крайне несовершенное распредѣленіе приходоу по епархіямъ, положить границы бесполезному размноженію епископскихъ кафедръ, сократить расходы на содержаніе культа и ввести болѣе рациональный способъ замѣщенія епископскихъ и священническихъ мѣстъ. Назначеніе епископовъ королемъ и священниковъ епископами, всегда сопровождавшееся злоупотребленіями и способствовавшее пониженію нравственнаго уровня духовенства, было уничтожено и замѣнено первохристіанскимъ обычаемъ избранія клиромъ и народомъ.

Энергическое вмѣшательство революціи въ жизнь церкви вызвало отпоръ со стороны послѣдней. Реформа, проведенная учредительнымъ собраніемъ, имѣла цѣлью поднять мо-

ральный уровень и авторитетъ духовенства. Но она слишкомъ рѣзко нарушала интересы епископовъ, отнимая у нихъ имущества, привилегированное положеніе въ обществѣ и сокращая чуть не на половину число епископскихъ кафедръ. Положеніе простыхъ чиновниковъ государства не обѣщало большого удовлетворенія ихъ честолюбію. Епископатъ не захотѣлъ уступить своихъ вѣковыхъ преимуществъ безъ сопротивленія, и почти въ полномъ составѣ высказался противъ реформы. Въ этомъ случаѣ епископы рассчитывали на поддержку папы; и имѣли на это полное основаніе. Папа терялъ съ реформой не менѣе, чѣмъ они, а можетъ быть, и болѣе: съ отмѣной права папы на каноническое утвержденіе избираемыхъ во Франціи епископовъ, его доходы съ французской церкви и вліяніе на нее окончательно пропадали. Только низшее духовенство приняло реформу болѣе охотно, такъ какъ избирательный принципъ, замѣнявшій прежнее назначеніе по произволу епископа, былъ и раціональнѣй, и лучше обезпечивалъ священниковъ отъ произвола епископата.

Во Франціи ждали, какъ папа отнесется къ реформѣ. Многіе совѣтовали Пію VI уступить силѣ фактовъ, какъ имѣлъ благоразуміе уступить ей и Людовикъ XVI. Сопротивленіе не обѣщало Риму побѣды, и въ то же время могло бросить всю Францію въ руки схизмы. Кавонисты, изучавшіе по порученію папы *Constitution civil du clergé*, высказывались за ея принятіе. Папа колебался. Но французскій епископатъ не хотѣлъ медлить. Въ октябрѣ 1790 г. онъ обнародовалъ свой протестъ противъ реформы, побуждая и папу присоединиться къ нему. Въ то-же время ультрамонтаны открыли походъ противъ галликанизма, доказывая, что созданіе національной французской церкви неизбѣжно поведетъ къ схизмѣ, грозящей полной гибелью всего католицизма во Франціи. Ненавидя всѣми силами души разрастающуюся революцію, они умоляли папу вступить въ рѣшительную борьбу съ ней, наивно вѣря въ возможность остановить мощный потокъ революціоннаго движенія. Папа медлилъ, чувствуя рискованность борьбы. Но въ концѣ концовъ, 10 марта 1791 г. онъ далъ французскому правительству отвѣтъ, показавшій, что католическая церковь объявляетъ революціи войну. Папа сурово упрекалъ учредительное собраніе въ томъ, что оно

нарушило свой долгъ повиновенія королямъ и беспощадно осуждалъ провозглашенную революціей свободу,—свободу, обезпечивавшую не только право не быть преслѣдуемымъ за религіозныя мнѣнія, но и право свободно мыслить, говорить, писать, „чудовищныя права, противныя волѣ Творца“, какъ величалъ ихъ папа.

Въ Парижѣ сожгли посланіе папы вмѣстѣ съ его изображеніемъ. Революція приняла вызовъ церкви.

Вступивъ въ борьбу съ государствомъ, церковь не сумѣла сохранить свои силы нераздробленными: борьба внесла въ ея среду глубокую рознь. Чтобы гарантировать подчиненіе духовенства новому строю, учредительное собраніе еще въ августѣ 1789 года установило особую присягу въ вѣрности государству, которую члены іерархіи должны были принимать подъ угрозой увольненія. Большинство епископовъ, чувствуя себя достаточно обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи и не опасаясь лишиться правительственнаго содержанія, отказалось отъ присяги. Для бѣднаго низшаго духовенства вопросъ былъ болѣе труденъ,—и въ немъ произошелъ расколъ. Одни, отчасти изъ боязни лишиться жалованья, отчасти—по сочувствію къ новому режиму, согласились на присягу. Другіе, повинуваясь епископамъ, отказались.

Смута, внесенная раздѣленіемъ, была плачевна для церкви и опасна для общества. Чтобы избѣжать ея пагубныхъ послѣдствій, учредительное собраніе принимало всевозможныя мѣры. Оно пыталось привлечь къ присягѣ все духовенство, убѣждая его, что формула присяги является лишь простымъ выраженіемъ преданности новому государственному порядку. Съ готовностью назначало оно пособія священнослужителямъ, которые за отказъ присягнуть лишались жалованья, и давало право совершать богослуженіе въ общественныхъ храмахъ всѣмъ священникамъ безъ различія, какъ присягнувшимъ, такъ и отказавшимся. Попытки оставались въ большинствѣ случаевъ тщетными. Пастыри и паства, раздѣленные на два лагеря, вели между собою ожесточенную войну, увеличивая общегосударственную смуту.

За эту смуту Мирабо жестоко порицалъ неприсягнувшее духовенство, предсказывая грозныя послѣдствія, къ которымъ можетъ повести его образъ дѣйствій. „Благодаря вамъ самимъ, говорилъ онъ къ представителямъ духовенства въ

январѣ 1790 г., врагъ евангельскаго ученія можетъ теперь ждать уничтоженія всего культа. Вашей враждебностью противъ реформы, которая должна была поднять религію на высоту, вы внушаете народу, что религія и революція не могутъ существовать вмѣстѣ... И народъ отречется отъ христіанства; онъ проклянетъ своихъ священниковъ... Все, что будетъ напоминать ему о Богѣ и евангеліи, станетъ для него ненавистнымъ. Онъ будетъ смотрѣть на свои древніе храмы лишь какъ на историческіе памятники, способные быть только свидѣтелями того, какъ долго онъ былъ предметомъ обмана и жертвой лжи... Такъ религія, выдержавшая столько ударовъ, обречена сойти въ могилу, вырытую ея собственными служителями“. Церковная и общественная смута возросла еще болѣе, когда епископы, въ борьбѣ съ революціоннымъ правительствомъ и государственной присягой, объявили недѣйствительными всѣ таинства и требы, совершаемые присягнувшими священниками. Это было величайшимъ соблазномъ для вѣрующихъ. Издревле присвоивъ себѣ право регистраціи гражданскихъ актовъ—брака, развода, погребенія и т. д., церковь укоренила въ сознаніи вѣрующаго общества взглядъ, что лишь тотъ бракъ легаленъ, который совершается церковью, лишь то погребеніе дѣйствительно, которое производится съ участіемъ клира. Неприсягнувшіе священники убѣждали теперь свою паству, что бракъ, совершенный присягнувшими, не имѣетъ значенія, ничѣмъ не отличается отъ конкубината и является смертнымъ грѣхомъ. Совѣсть вѣрующихъ была смущена. Семейства распадались. Беспорядокъ вносился во всю сферу гражданскихъ отношеній.

Нужно было такъ или иначе прекратить анархію, и въ сентябрѣ 1792 г. законодательное собраніе, послѣ безконечныхъ преній, постановило, чтобы рожденіе, бракъ и погребеніе регистрировались гражданскими муниципальными властями и признавались законными лишь акты, совершенныя этимъ новымъ способомъ. Законъ допустилъ разводъ, не считаясь съ ученіемъ церкви о нерасторжимости брака, и разрѣшилъ бракъ для священниковъ.

Декретъ законодательнаго собранія давалъ совершенно новое направленіе церковной политикѣ государства. Послѣ изыятія гражданскихъ актовъ изъ вѣдѣнія церкви станови-

лось ясно, что дѣло клонится къ отдѣленію государства отъ церкви. Такъ какъ „національная церковь“, созданная въ 1789 г., оказывалась нежизнеспособной, то естественно возникаль вопросъ: не слѣдуетъ ли окончательно отдѣлить церковь отъ государства и отмѣнить навсегда государственную религію? Но прежде чѣмъ придти къ этому выводу, революція предприняла нѣсколько попытокъ сохранить религію для государства и народа.

Дѣло въ томъ, что дѣятели революціи никакъ не могли сразу отрѣшиться отъ того взгляда, что религія неразрывна съ государствомъ. Еще въ 1793 г. конвентъ отправляль торжественно католическій праздникъ Тѣла Господня, и улицы Парижа украшались въ этотъ день зеленью такъ же старательно, какъ и въ доброе старое время расцвѣта католицизма. Національная гвардія считала своимъ долгомъ эскортировать священниковъ, носившихъ Св. Дары. Комиссары конвента, убѣждая возставшихъ вандейцевъ примириться съ республикой, ставили послѣднюю подъ покровъ религіи. „Установленіе республики, основанной на евангеліи, говоритъ они, является самымъ великимъ благодѣяніемъ, которымъ Божество могло облагодѣтельствовать человѣчскій родъ“. Даже терроръ придаваль религіи извѣстное значеніе и оказываль ей вниманіе. Какъ это ни странно, но террористы, лившіе человѣческую кровь какъ воду, хотѣли видѣть въ Иисусѣ Христѣ своего предшественника и усматривали въ немъ подлинный типъ санкюлота. Однимъ словомъ, правительство революціи было убѣждено въ необходимости религіи для государства и народа и готово было сохранить ее.

Католицизмъ, издавна пользовавшійся правами государственной религіи, несомнѣнно, удержаль-бы ихъ, если бы не вступилъ въ острый конфликтъ съ новымъ строемъ и не заявилъ себя ожесточеннымъ врагомъ той свободы, за которую боролась революція.

Когда выяснилось, что католическая церковь не хочетъ примириться съ новымъ строемъ, революція объявила ее враждебной государственному порядку и немедленно отняла у нея ея привилегированное положеніе государственной религіи.

Но дѣятели революціи не видѣли возможности оставить государство безъ всякой религіи. Вотъ почему, отвергнувъ

католицизмъ, они замѣнили его новой религіей.—Этой религіей былъ знаменитый культъ Разума.

Инициатива въ созданіи новаго культа шла отъ парижской коммуны. 10 ноября 1793 года ея представители явились въ конвентъ съ приглашеніемъ прибыть въ соборъ Парижской Богоматери на открытіе культа Разума. Президентъ конвента отвѣчалъ: „собраніе съ чувствомъ живѣйшаго удовлетворенія видитъ побѣду, одерживаемую сегодня разумомъ надъ суевѣріемъ и фанатизмомъ. Оно явится въ полномъ составѣ въ среду народа, въ храмъ, посвященный вами богинѣ, чтобы отпраздновать съ народомъ священный и достопамятный праздникъ“. Постановивъ, чтобы соборъ Богоматери оставался навсегда храмомъ Разума, конвентъ выбираетъ наиболѣе красивую актрису, которая должна представлять богиню, и президентъ оказываетъ ей знаки уваженія, обнимая и братски цѣлуя ее. Затѣмъ всѣ отправляются въ соборъ, гдѣ должна совершиться церемонія. Простой народъ, въ которомъ еще жили языческія привычки, поддерживаемыя отчасти самой католической церковью съ ея богато развитымъ, слишкомъ нагляднымъ культомъ, встрѣчаетъ праздникъ съ восторгомъ. Церемонія производитъ на него глубокое впечатлѣніе; и прежде всего потому, что она была очень эффектна.

Воздвигнутая по срединѣ собора искусственная гора увѣнчивалась маленькимъ античнымъ храмомъ въ честь философіи; предъ нимъ стоялъ жертвенникъ — „свѣтильникъ истины“. Вереницы молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ вѣнками на головахъ и факелами въ рукахъ кружились по склонамъ горы. Богиня Разума, полная жизни, прекрасная и гордая, одѣтая въ бѣлую одежду и голубую мантию, въ красномъ головномъ уборѣ, съ длиннымъ копьемъ въ правой рукѣ, стоя передъ храмомъ философіи, принимала поклоненія отъ республиканцевъ... Лучшіе пѣвцы столицы исполняли гимны въ честь свободы—„дочери Природы и богини французовъ“. Народъ торжественно клялся въ вѣрности Разуму и Свобоdѣ.

Вскорѣ конвентъ обнародовалъ постановленіе, въ которомъ предлагая общинамъ, отказавшимся отъ католицизма, искать утѣшенія въ новой религіи. Нѣсколько позднѣе новымъ декретомъ онъ побуждалъ священнослужителей отка-

заться отъ ихъ званія. Франція стала свидѣтельницей поразительной неблагодарности многихъ епископовъ и священниковъ по отношенію къ ихъ религіи. Эти люди крѣпко держались за церковь, пока она давала имъ почетное положеніе и средства къ жизни; они отреклись отъ нея, какъ только она оказалась въ положеніи бѣдствующей и униженной. Было немало такихъ, которые превратились въ ея ожесточенныхъ враговъ. Двадцать семь епископовъ отказалось отъ каедръ; 13 изъ нихъ женилось. Тысячи священниковъ оставили свои приходы и, отрекшись отъ Бога, которому служили, поклонились богинѣ Разума. Болѣе 12000 священниковъ, не считая монаховъ, женилось. Епископъ шерскій публично въ соборѣ вѣнчалъ священника съ монахиней, при чемъ произнесъ слово противъ celibата духовенства;—случай не единственный. Конвентъ поддерживалъ антицерковное движеніе, позволяя себѣ потѣшаться смѣшными и печальными сценами отреченія и процессіями хулигановъ, одѣтыхъ въ церковныя облаченія. Все это продѣлывалось въ залѣ его засѣданій. Безуміе однихъ и трусость другихъ создали своеобразную волну общественной безрелигіозности, распространявшуюся чрезвычайно быстро. Но она оказалась очень кратковременной, и люди, съ ожесточеніемъ и ребячески глумившіеся надъ религіей, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безумія или трусости торопливо возвращались къ старымъ религіознымъ вѣрованіямъ.

Искусственно созданный культъ Разума потерялъ свою идейность и чистоту очень быстро; вмѣстѣ съ этимъ пало и уваженіе къ нему. Праздники, устраиваемые въ честь новой богини, превратились въ увеселенія, даже пирушки, нерѣдко циничныя. Богослуженіе переходило въ публичные балы. Вскорѣ стало ясно, что народъ, такъ охотно принявшій новый культъ, удовлетворявшій его языческимъ вкусамъ, идетъ по пути къ новому идолопоклонству. Творцы культа Разума не предвидѣли такого результата своихъ начинаній и были крайне имъ смущены. Сами зараженные атеизмомъ, они едва-ли хотѣли сдѣлать такимъ и народъ.

Первымъ поднялъ голосъ противъ безчинствъ поклонниковъ Разума Робеспьеръ, успѣвшій къ этому времени завладѣть огромнымъ вліяніемъ на конвентъ. Онъ одинаково возмущался и паганизмомъ народа, и атеизмомъ философовъ.

Спустя 11 дней послѣ церемоніи въ соборѣ Парижской Богоматери, Робеспьеръ произнесъ въ клубѣ якобинцевъ рѣчь, гдѣ развивалъ знаменитое положеніе: „если-бы Бога не было, его нужно было-бы выдумать“. 26 ноября въ конвентѣ Дантонъ подробнѣе изложилъ мысль Робеспьера о необходимости сохраненія религіи для народа. Не смотря на свой общеизвѣстный скептицизмъ, онъ возставалъ противъ обнаруженій какъ паганизма, такъ и невѣрія; требовалъ, чтобы конвентъ не оказывалъ почтенія священникамъ, отрекшимся отъ христіанства, и выражалъ желаніе, чтобы у государства былъ Богъ и религія. „Если мы не оказывали почестей жрецамъ заблужденія и фанатизма (католическому духовенству), говорилъ онъ, то мы не хотимъ оказывать ихъ и жрецамъ невѣрія... Я требую, чтобы больше не было религіозныхъ маскарадовъ въ стѣнахъ конвента... У народа будутъ праздники, въ которые онъ станетъ возносить еиміамъ Высшему Существу, Повелителю природы; ибо мы не хотѣли уничтожить суевѣріе для установленія царства атеизма“.

Робеспьеръ и Дантонъ повели жестокую борьбу противъ религіи Разума. Такъ какъ въ ихъ рукахъ была неограниченная власть, то борьба свелась къ простому уничтоженію съ помощью гильотины лицъ, стоявшихъ во главѣ новаго культа. Главный его вдохновитель—Эберъ пробовалъ спасти свою жизнь, исповѣдуя предъ якобинцами свое уваженіе ко Христу и изъявляя готовность проповѣдовать евангеліе жителямъ деревень. „Эту книгу я нахожу превосходной, восклицалъ онъ; нужно слѣдовать всѣмъ ея правиламъ, чтобы быть совершеннымъ якобинцемъ“. Но Эберъ не спасъ своей головы, какъ не спасли своихъ и его товарищи.

Покончивъ съ „атеистами“, Робеспьеръ обратился противъ скептиковъ и свободомыслящихъ. Къ нимъ принадлежалъ самъ Дантонъ,—и ему было суждено погибнуть наравнѣ со многими другими, не смотря на его рѣчи въ конвентѣ.

Уничтоженіе культа Разума и истребленіе атеистовъ и скептиковъ было въ глазахъ Робеспьера лишь подготовительной работой для осуществленія его собственной идеи—создать новую *религію Высшаго Существа*. Покончивъ съ приготовленіями и захвативъ диктатуру, онъ принялся за выполнение своего плана.

Планъ Робеспьера создать религію Высшаго Существа

былъ шагомъ возвращенія къ католицизму и отчасти былъ разсчитанъ на поддержку со стороны католиковъ. Но осуществленіемъ этого плана создавалось совершенно новое отношеніе государства къ религіи, отношеніе, переходившее въ полное ихъ сліяніе. Диктаторъ предполагалъ не только провозгласить новый государственный культъ, но и встать во главѣ его въ роли верховнаго первосвященника. Это было возрожденіемъ римскаго цезаризма, соединявшаго въ одномъ лицѣ власть императора и верховнаго жреца и дѣлавшаго это лицо священнымъ, воплощеніемъ божества въ человѣкѣ.

Новая религія была провозглашена декретомъ 7 мая 1794 г. Первая статья декрета гласила: „французскій народъ признаетъ существованія Высшаго Существа и бессмертіе души“. Четвертая устанавливала праздники „для поддержанія въ человѣкѣ мысли о Божествѣ и величіи Его существа“.

На праздникѣ 20 преріала, устроенномъ по образцу католическаго праздника Тѣла Господня, Робеспьеръ выступилъ въ новой роли диктатора—первосвященника. Чтобы придать церемоніи и своему священству религіозной характеръ, онъ закончилъ свою публичную рѣчь воззваніемъ, похожимъ на молитву Господню, но проникнутымъ не любовью, а ненавистью. „Существо существъ, мы не хотимъ обращаться къ тебѣ съ несправедливыми мольбами. Ты знаешь тварь, вышедшую изъ твоихъ рукъ; ея нужды не ускользнутъ отъ твоихъ взоровъ, какъ и ея тайные помыслы. Ненависть къ недобросовѣстности и тираніи горятъ въ нашихъ сердцахъ вмѣстѣ съ любовью къ справедливости и отечеству; наша кровь проливается за дѣло человѣчества; вотъ наша молитва; вотъ наши жертвы; вотъ культъ, который мы тебѣ предлагаемъ“.

Хотя 11 статья декрета провозглашала свободу культовъ, однако эта свобода оказалась призрачной. Ни католицизмъ, ни протестантство, ни свободомысліе не могли считать свое существованіе обезпеченнымъ. Религія Высшаго Существа собрала около себя такихъ ревностныхъ приверженцевъ и беззащитныхъ пропагандистовъ, которые вовсе не были склонны уважать чужую свободу совѣсти и чужіе культы. Въ Безансонѣ правительственный чиновникъ сжегъ статую

атеизма на кострѣ, сложенномъ изъ иконъ, крестовъ, священныхъ статуй и другихъ предметовъ поклоненія католической церкви. Во многихъ мѣстахъ католическое и протестантское духовенство изгонялось изъ храмовъ, очищавшихся для церемоній новой религіи. Очень часто мѣстныя власти запрещали католическое богослуженіе, дѣлая странную ссылку на 12 статью декрета, возбранявшую „всякое аристократическое собраніе, противное общественному порядку“.

Религія Высшаго Существа оказывалась не менѣе нетерпимой, чѣмъ средневѣковый католицизмъ. Но она, въ лицѣ своего первосвященника и его партіи, боролась съ своими противниками гораздо болѣе суровыми средствами. Въ глазахъ Робеспьера всѣ, кто не сочувствовали его религіи, оказывались врагами революціи и родины и заслуживали преслѣдованія, какъ измѣнники отечеству. Такъ какъ въ его рукахъ была огромная власть, то его взгляды грозили возрожденіемъ временъ инквизиціи. Нетерпимость Робеспьера и его друзей принимала уродливыя фѣрмы. Они склонны были думать, что атеистъ не можетъ имѣть чувства патріотизма; готовы были отрицать въ немъ даже простую порядочность, и самъ Робеспьеръ характеризовалъ энциклопедистовъ, какъ „секту, заключавшую въ себѣ нѣсколько почтенныхъ людей и великое число честолюбивыхъ шарлатановъ, распространявшихъ матеріалистическія воззрѣнія и такую практическую философію, которая возводила эгоизмъ въ систему“.

Благодаря усердію прислужниковъ всемогущаго диктатора, религія Высшаго Существа быстро захватила права и привилегіи государственнаго культа. Комитетъ общественнаго спасенія распорядился, чтобы на фронтонахъ зданій, посвященныхъ культу, были написаны первыя слова декрета 7 мая 1794 г: „французскій народъ признаетъ существованіе Высшаго Существа и безсмертіе души“, и чтобы весь декретъ публично прочитывался въ дни республиканскихъ праздниковъ. Законодательный документъ, вышедшій изъ рукъ диктатора, пріобрѣталъ значеніе своеобразнаго священнаго текста. Приверженцы новой религіи начали, наконецъ, требовать у конвента, чтобы содержаніе новаго культа было принято на государственный счетъ. Появилась и новая своеобразная іерархія: каждый правительственный чиновникъ

готовъ былъ смотрѣть на себя какъ на священника Высшаго Существа. Меръ города Парижа обращался къ народу съ воззваніемъ, имѣвшимъ характеръ пастырскаго поученія. Въ немъ говорилось: „Высшее Существо, Покровитель свободы народовъ, повелѣлъ природѣ приготовить для васъ изобильные урожаи. Оно васъ охраняетъ; будьте-же достойны его благодѣяній“. Въ концѣ концовъ, государство поставило новую религію подъ защиту законовъ. Когда нѣкоторымъ драматургамъ пришло въ голову воспроизвести на театральныхъ подмосткахъ праздникъ въ честь Высшаго Существа, это было формально запрещено правительственнымъ декретомъ.

Новая религія стала государственной, но съ еще большими правами и привилегіями, чѣмъ какими пользовался католицизмъ. Самая связь между государствомъ и новымъ культомъ была несравненно тѣснѣе. Нельзя было сказать, гдѣ кончается одно и начинается другое, такъ какъ глава республики соединялъ въ себѣ, какъ во времена языческой римской имперіи, и высшую свѣтскую, и высшую духовную власть. Правительственная партія была только послѣдовательной, когда подъ ея руководствомъ былъ изданъ катехизисъ, предназначавшійся замѣнить прежній католическій, и вслѣдъ за тѣмъ—„республиканскій служебникъ“, содержащій молитвы Высшему Существо. Оставалось еще установить смертную казнь за хулу на республиканскаго Бога, и можетъ быть, робеспьеристы дошли бы до этого, если-бы религія Высшаго Существа вмѣстѣ съ своимъ первосвященникомъ не закончила вскорѣ своего существованія. Въ сущности, она пользовалась въ народѣ еще меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ культъ Разума. Тотъ могъ нравиться нѣкоторое время своими язычески — пышными, театральными церемоніями. Религія Высшаго Существа не могла импонировать даже этимъ, и народъ скоро сталъ къ ней совершенно равнодушенъ. Робеспьеръ приписывалъ неудачу своей затѣи интригамъ своихъ враговъ, негодовалъ, пробовалъ дѣлать сыски; все было бесполезно. Его политическая и религіозная тиранія стали тягостны всѣмъ. Въ концѣ концовъ, общее недовольство привело его на гильотину, и онъ сложилъ свою голову подъ насмѣшливое замѣчаніе какого-то санкюлота: „вотъ вамъ и высшее существо!“

Смерть диктатора—первосвященника была смертью созданной имъ религіи. Ея послѣдователи вернулись или къ католицизму, или религіозному индефферентизму. Но религіозный вопросъ оставался жить. Людямъ, вставшимъ во главѣ правительства, снова приходилось такъ или иначе разрѣшить вопросъ объ отношеніи государства къ религіи и церкви.

Попытки его рѣшенія, предпринимавшіяся до сихъ поръ, оказывались не удачными. Господство церкви надъ государствомъ, существовавшее въ средніе вѣка, господство государства надъ церковью, имѣвшее мѣсто въ эпоху абсолютной монархіи, наконецъ, смѣшеніе государства и религіи до полного ихъ сліянія, испробованное Робеспьеромъ,—всѣ эти формы отношеній не дали хорошихъ результатовъ. Оставалась единственная неиспробованная форма: полное отдѣленіе государства отъ церкви и отмѣна государственной религіи.

Революція долго колебалась, прежде чѣмъ принять эту мѣру. Учредительное собраніе 1789 г. въ своемъ рѣшеніи церковнаго вопроса остановилось на полумѣрахъ. Въ 10 статьѣ „Правъ человѣка и гражданина“ оно провозглашало, что никто не можетъ подвергаться преслѣдованію за свои религіозныя убѣжденія, но подъ условіемъ, что ихъ проявленіе не будетъ нарушать установленнаго закономъ общественнаго порядка. Однако собраніе не рѣшилось ни сдѣлать католическую религію государственной въ прежнемъ смыслѣ, ни провозгласить формально свободу культовъ. Первое рѣшеніе могло вызвать недовольство протестантовъ и либераловъ; второе грозило раздражить католиковъ. Такъ же неопредѣленно относилось къ церкви и законодательное собраніе. Что касается конвента, то, не затрагивая вопроса объ отдѣленіи, онъ приступилъ было къ пересмотру бюджета культовъ съ цѣлью его отмѣны; однако на первый разъ отмѣна бюджета не удалась по винѣ якобинцевъ. Въ ноябрѣ 1792 г. финансовый комитетъ поставилъ конвенту вопросъ: не должны-ли вѣрующіе сами оплачивать содержаніе своихъ священниковъ? Конвентъ отвѣтилъ утвердительно. Вслѣдствіе этого было постановлено заготовить законопроектъ объ отмѣнѣ бюджета. Но противъ законопроекта рѣшительно выступили якобинцы. „Этотъ экономическій проектъ лишенъ здраваго политическаго смысла, говоритъ одинъ

изъ ихъ ораторовъ. Народъ еще любитъ религію, и принять проэктъ—значить возбудить народный фанатизмъ. Кто можетъ учесть, какое кровопролитіе можетъ быть вызвано декретомъ“?—„У суевѣрнаго народа, прибавилъ ораторъ, законъ противъ суевѣрія — государственное преступленіе“. Какъ и слѣдовало ожидать, католики воспользовались оппозиціей яacobинскаго клуба и подняли агитацію въ странѣ противъ проэкта. Конвентъ принужденъ былъ уступить и поспѣшилъ обнародовать успокоительный манифестъ, гдѣ заявилъ, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія лишать гражданъ ихъ духовенства, установленнаго „гражданскимъ устройствомъ клира“.

Провозглашеніе культа Разума и религіи Высшаго Существа отняло у католицизма значеніе государственной церкви. Но католическая церковь, не смотря на стѣсненія и преслѣдованія, продолжала, конечно, существовать; вмѣстѣ съ нею существовалъ и церковный вопросъ.

Послѣ казни Робеспьера, новое правительство рѣшаетъ этотъ вопросъ еще разъ. Не вѣря въ возможность полного отдѣленія государства отъ церкви, оно останавливается на отмѣнѣ бюджета культовъ, къ чему въ значительной степени его побуждала и крайняя финансовая стѣсненность государства.

13 сентября 1794 г. финансовая комиссія вторично внесла въ конвентъ предложеніе, отвергнутое два года назадъ, объ отмѣнѣ жалованья духовенству. Комиссія ссылалась не только на скудость финансовъ, но и на политическій урокъ, вынесенный изъ затѣи Робеспьера. „Отмѣна бюджета культовъ, говорила она, остановитъ честолюбцевъ, которые пытаются для приобрѣтенія себѣ приверженцевъ создавать новыя религіозныя системы и поработаютъ народъ чрезъ служителей своего культа“. Было указано и на то, что іерархія религіи Высшаго Существа уже требовала себѣ поддержанія отъ государства. Отмѣна бюджета должна была показать, что конвентъ не хочетъ ни создавать новыхъ религій, ни поддерживать старыхъ. Конвентъ согласился съ доводами комиссії, и декретомъ 18 сентября 1794 года бюджетъ культовъ былъ отмѣненъ.

Духовенство, лишившееся казеннаго жалованья, выступило съ энергичнымъ протестомъ противъ декрета. Подвергнувъ

правительственное мѣропріятіе рѣзкой критикѣ, оно доказывало, что государство попало во внутреннее противорѣчіе съ собою. Пять лѣтъ назадъ, секуляризуя декретомъ 2 ноября 1789 г. церковныя имущества, оно принимало на себя и выполнение обязанностей, связанныхъ съ имуществами,—благотворительность, народное просвѣщеніе и, между прочимъ, содержаніе культовъ. Отказывая теперь въ этомъ содержаніи, правительство нарушало свое прямое обѣщаніе и поступало, какъ выражалось духовенство, безчестно.

Въ обвиненіяхъ духовенства была своя доля правды. Но и правительство имѣло за собою оправданіе. Оно могло указать на то, что съ самаго начала революціи духовенство пользовалось своимъ оффиціальнымъ положеніемъ во вредъ новому государственному порядку и непрерывно нарушало законы страны. Часть духовенства, отправившись въ Римъ, возбуждала папу вступить въ борьбу съ революціей. Часть, оставшись во Франціи, поддерживала эту борьбу всѣми находившимися въ ея рукахъ средствами, начиная съ публичной проповѣди и кончая тайной исповѣдью. Возбуждая народную ненависть къ революціи, оно подготовило кровавое вандейское возстаніе. Правительству приходилось испытывать сопротивленіе прежде всего со стороны неприсягнувшаго республикѣ духовенства; но и присягнувшее было далеко не всегда лойяльно; оно, напр., воспротивилось декрету 20 сентября 1792 г. о гражданскомъ бракѣ и разводѣ. Изъ присягнувшихъ священниковъ многіе отказывались вѣнчать разведенныхъ лицъ и совершать браки священниковъ, ссылаясь на запрещеніе церковныхъ канонѣвъ, которые въ ихъ сознаніи стояли все-таки выше гражданского права. Благодаря упорству духовенства, создавалась какъ въ церковной, такъ и гражданской жизни полная анархія. Виня въ ней церковь, конвентъ и счелъ себя въ правѣ отказать духовенству въ казенномъ жалованьѣ.

Въ борьбѣ съ церковью правительство принимало и другія репрессіи, казавшіяся тѣмъ болѣе необходимыми, что враждебная новому строю часть духовенства увеличивала свое вліяніе на народъ, въ то время какъ сочувствовавшая теряла его, допуская браки для священниковъ и угодничая предъ избобрѣтателями новыхъ культовъ Разума и Высшаго Существа. Но репрессивныя мѣры, какъ это становилось бо-

лѣе и болѣе яснымъ, не вносили въ церковную жизнь ни порядка, ни успокоенія. Извѣрившись въ нихъ, благоразумная часть политическихъ дѣятелей пришла къ убѣжденію въ необходимости прибѣгнуть къ принципу свободы, чтобы разрѣшить вопросъ, который оказалось невозможнымъ рѣшить съ помощью террора.

Конвентъ, уступая убѣжденіямъ этихъ людей, отважился, наконецъ, постановить полное отдѣленіе церкви отъ государства. (21 февр. 1795 г.).

Такъ Франція болѣе ста лѣтъ тому назадъ пришла къ необходимости отдѣлить церковь отъ государства и сдѣлала это въ интересахъ обѣихъ сторонъ.

Всѣ культы получали право свободнаго исповѣданія. Правда, публичныя религіозныя процессіи, выставленіе на видъ религіозныхъ предметовъ и эмблемъ, ношеніе духовенствомъ платья спеціальнаго покроя было запрещено. Но съ другой, стороны законъ грозилъ суровой карой за оказаніе препятствій свободному отправленію религіозныхъ обрядовъ въ установленныхъ закономъ границахъ.

Государство относилось одинаково безразлично ко всѣмъ культамъ, ни одному изъ нихъ не придавало оффиціальнаго значенія и не вмѣшивалось въ ихъ бюджеты.

Законъ 30 мая 1795 г., въ дополненіе къ предыдущему, передавалъ въ распоряженіе гражданъ всѣ храмы и церковныя зданія съ разрѣшеніемъ пользоваться ими какъ для богослуженія, такъ и для собраній, предписываемыхъ правительствомъ. Отъ священника, желавшаго пользоваться мѣстнымъ храмомъ, требовалась подписка въ подчиненіи законамъ республики.

Духовенство долгое время не хотѣло помириться съ новымъ порядкомъ и продолжало обнаруживать вражду къ республикѣ. Борясь съ церковью, конвентъ закономъ 29 сент. 1795 г. установилъ полицію культовъ, на обязанность которой возлагалось поддержаніе порядка при отправленіи богослуженія, и требовалъ подписки отъ всѣхъ священниковъ, какъ отправлявшихъ богослуженіе въ общественныхъ храмахъ, такъ и служившихъ въ частныхъ домахъ. Эти стѣсненія предпринимались правительствомъ вслѣдствіе того, что католическое духовенство воспользовалось свободой во вредъ государству. Въ союзъ съ роялистами, оно подгото-

вляло противъ республики вооруженныя возстанія и призывало Англію вмѣшаться во внутреннія дѣла родины, силою оружія подавить молодую свободу и возстановить старый режимъ. Правда, часть духовенства, преданная новому строю, выражала готовность поддержать хорошія отношенія съ государствомъ; но эта часть была малочисленна и не пользовалась большимъ вліяніемъ.

Когда конвентъ уступилъ свое мѣсто директоріи (27 окт. 1795 г.), борьба государства съ церковью приняла ожесточенный характеръ. 13 янв. 1796 г. министръ полиціи издалъ циркуляръ, предписывавшій мѣстнымъ властямъ преслѣдовать неприсягнувшихъ республикѣ священниковъ. Въ февралѣ того-же года директорія объявила премію въ сто франковъ за поимку священника, подлежавшаго ссылкѣ за сопротивленіе власти. Въ апрѣлѣ появилось запрещеніе употреблять колокола для призыва на богослуженіе, такъ какъ богослуженіе обращалось въ политическія собранія. Черезъ нѣсколько дней изданъ законъ, угрожавшій смертной казнью за всякаго рода возбужденія къ ниспроверженію республиканскаго строя. На основаніи этого закона было казнено около 30 священниковъ.

Въ борьбѣ церкви съ революціей принималъ видное участіе папа, не перестававшій подстрекать французское духовенство къ сопротивленію.

Директорія отлично понимала, что католическая церковь навсегда останется непримиримымъ врагомъ республики, что духовенство никогда не проститъ ей потери своихъ имуществъ и привилегій, а наивные вѣрующіе—униженія, нанесеннаго ихъ вѣроисповѣднымъ предразсудкамъ. Оставалось вести борьбу съ церковью до конца.—Раздвигая рамки борьбы, директорія рѣшила направить ударъ въ сердце церкви—на самого папу. Было предположено уничтожить его свѣтскую власть и учредить въ Римѣ республиканское правленіе. Выполненіе проекта возлагалось на генерала Бонапарта, которому въ маѣ 1796 г. былъ посланъ приказъ занять французскими войсками Римъ. Но Бонапартъ въ это время уже обдумывалъ свой планъ захватить верховную власть въ государствѣ и стать неограниченнымъ повелителемъ Франціи. Съ свойственной ему пронципательностью, онъ понялъ, что католическая церковь можетъ стать его вѣр-

нымъ помощникомъ. И онъ предпочелъ не ослаблять папу а поддержать его, чтобы потомъ чрезъ него сдѣлать католическую религію средствомъ достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей.

Съ Наполеона открывается новая и предпоследняя стадія развитія отношеній между государствомъ и церковью во Франціи. Эта стадія получила свое выраженіе въ конкордатѣ 1801 года.

Θ. Россейкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
